

Дело №3

Дело петрашевцев

Документ №1. ДОКЛАД О ДЕЛЕ ПЕТРАШЕВЦЕВ

В марте месяце 1848 года дошло до сведения шефа жандармов, что титулярный советник Буташевич-Петрашевский, проживавший в С.-Петербурге в собственном доме, обнаруживает большую склонность к коммунизму и с дерзостью провозглашает свои правила.

В то же время и министр внутренних дел, по дошедшим до него сведениям о преступных наклонностях Петрашевского в политическом отношении и о связях его со многими лицами, слившимися как бы в одно общество для определенной цели, учредил с своей стороны наблюдение за Петрашевским.

По тайному наблюдению, в течение десяти месяцев, открыто, что Петрашевский замечен в либеральном образе мыслей. К нему постоянно в назначенный для приема вечер, по пятницам, собиралось от 15-ти до 30-ти разных лиц одинаковых с ним мыслей; что они говорили и спорили; но в чем именно заключались разговоры, по осторожности и по таинственности, которую Петрашевский себя окружил, нельзя было обнаружить, равно и фамилий, посещавших не было возможности узнать, кроме весьма немногих.

В собрании 8 апреля разбирались сочинения Фурье и Прудона, а потом Ястржембский говорил речь о развитии человечества по системе Фурье¹, стараясь убедить присутствующих, что простой народ принципом зла понимает ваше величество, и в пример приводил разговор свой с извозчиком, которого он старался возбудить к неповиновению и восстановить против помещиков и властей.

В собрании 15 апреля Достоевский (литератор) читал письмо Белинского к Гоголю, наполненное самых зловредных идей против религии и законов...

После этого Петрашевский обратился к трем главным вопросам 1 апреля и, развивая их, говорил, что нельзя предпринимать никакого восстания, не будучи впредь уверенными в совершенном успехе, и предлагал свое мнение к достижению цели. Однако ж вопросы эти остались неоконченными, и предположено было развить их в следующие собрания.

Наконец 22 апреля говорено было о цензуре и о том, как должны поступать литераторы, чтобы вернее действовать на публику.

---

¹ Ш. Фурье подвергал критике буржуазный строй и разработал план будущего общества. Основным компонентом идеальной системы общества должна была стать фаланга, которая заключала в себе идею всеобщего братства и в которой имело место полное соответствие общих и индивидуальных интересов. В основе жизнедеятельности фаланг лежало сельское хозяйство, однако предполагались некоторые элементы промышленного производства.

Документ №2. СПИСОК НЕКОТОРЫХ
ПРИЧАСТНЫХ ЛИЦ

1.	Михаил Буташевич-Петрашевский, титулярный советник, 27 лет	
2.	Николай Григорьев, поручик лейб-гвардии конно-гренадерского полка	—
3.	Фёдор Достоевский, отставной инженер- поручик, литератор, 27 лет	
4.	Николай Момбелли, поручик лейб-гвардии московского полка, 27 лет	
5.	Николай Спешнев, помещик Курской губернии, 28 лет	
6.	Иван Ястржембский, помощник инспектора в Технологическом институте, 34 года	—

Документ №3. РАЗГОВОР О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ
(из черновика поэта А. А. Голенищева-Кутузова)

Был у Майкова (Ап. Ник.) и слышал от него рассказ об его участии в деле Петрашевского. (1849).

Вот этот рассказ.

Приходит ко мне однажды вечером Достоевский, на мою квартиру в дом Аничков, — приходит в возбужденном состоянии и говорит, что имеет ко мне важное поручение.

— Вы, конечно, понимаете, — говорит он, — что Петрашевский болтун, несерьезный человек и что из его затей никакого толка выйти не может. А потому из его кружка несколько серьезных людей решились выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовывать особое, тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журнала, если это будет возможно. В вас мы сомневались, ибо вы слишком самолюбивы... (это Федор-то Михайлович меня упрекал в самолюбии!).

— Как так?

— А вы не признаете авторитетов. Вы, например, не соглашаетесь со Спешневым (проповедовавшим фурьеризм).

— Политикой, экономикой особенно не интересуюсь. Но, действительно, мне кажется, что Спешнев говорит вздор; но что же из этого?

Надо для общего дела уметь себя сдерживать. Вот нас семь человек: Спешнев, Мордвинов, Момбелли, Павел Филиппов, Григорьев, Владимир Милютин и я — мы осьмым выбрали вас; хотите ли вступить в общество?

— Но с какой целью?

— Конечно с целью произвести переворот в России. Мы уже имеем типографский станок; его заказывали по частям, в разных местах, по рисункам Мордвинова; все готово.

— Я не только не желаю вступать в Общество, но и вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры?

Достоевский стал горячо и долго проповедовать, размахивая руками в своей красной рубашке с расстегнутым воротом.

Мы спорили долго, наконец устали и легли спать.

Поутру Достоевский спрашивал.

— Ну, что же?

— Да то же самое, что и вчера. Я раньше вас проснулся и думал. Сам не вступлю и, повторяю, — если есть еще возможность, — бросьте их и уходите.

— Ну, это уж мое дело. А вы знайте. Обо всем вчера (сказанном) знают только семь человек. — Вы восьмой, — девятого не должно быть!